

Ольга Уманец **Olga Umanets**
кандидат искусствоведения, доцент *PhD in Art Criticism, Associate professor*
Национальный юридический университет Yaroslav Mudryi National Law University
им. Ярослава Мудрого, Харьков, Украина Kharkiv, Ukraine

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ПОЛИЛОГ КУЛЬТУР В РОМАНЕ М. ЗАРИНЬША «ФАЛЬШИВЫЙ ФАУСТ»

Пространство современной культуры, демонстрирующее активизацию и глобальную значимость межкультурной коммуникации в синхронии и диахронии, актуализирует необходимость осмысления сущности ценностных ориентаций Человека и логики их трансформаций. На уровне художественной рефлексии одним из модусов воплощения данной проблематики в синхронии и диахронии культур является фаустиана – репрезентант духовных поисков личности. Их перманентность обуславливает способность фаустианской мифологемы к функционированию в различных национальных и историко-культурных контекстах, акцентуации сущностных для культур проблемных «аксиологических узлов» и связи их в единую, бесконечную цепь постижения человеком смысла его жизни и осмысления идеалов, составляющих его духовное естество.

Как составляющая фаустианской панорамы XX ст. – роман Маргера Зариньша «Фальшивый Фауст, или Переправленная, пополненная поваренная книга – П. П. П» – до сегодняшнего дня не обрел исчерпывающего освещения в гуманитарном знании. Немногочисленность обращений к роману [1; 4, 4; 5; 6;], неоднозначность оценок своеобразия его стилистики в ореоле идеологических маркеров русскоязычной критики 1980-х гг. [1, с. 93; 6, с. 331] – причины существования исследовательских «лакун», связанных с осмыслением специфики и историко-культурной детерминированности концепции произведения. Необходимость их заполнения и потребность в осмыслении концептуальной сущности и интерпретационной логики фаустианы, как сквозного тематического стержня европейской культуры, а также в исследовании смыслообразующей сущности полилога культур в романе М. Зариньша, обуславливают актуальность данной статьи. Ее целью является выявление особенностей интерпретации фаустианской мифологемы и ее детерминированности постмодернистской парадигмой мировидения в романе «Фальшивый Фауст» М. Зариньша. Освещение особенностей концепции и трактовки образной триады фаустианы в культурологическом и аксиологическом ракурсах обуславливает новизну исследования.

В контексте традиционного видения фаустианы как художественного воплощения договора человека с дьяволом во имя знания роман М. Зариньша – своеобразный парадокс. Переосмысление фаустианской мифологемы в целом и каждой из компонент фаустианской образной триады в романе обусловлено неразрывным единством семантических полей – пространств различных культур, что резонирует с полистилистической сущностью творчества композитора и писателя [5, с. 91].

Соотнесенность с духовным опытом европейской культуры Средневековья и Возрождения создается в романе прежде всего фаустианскими концепто- и сюжетобразующими стержнями – мотивом заключения договора, его целью – обретением всеобъемлющего знания. В единую цепь культурные пространства Ренессанса и Новейшего времени связывает образ героя – Кристофера Марлова – аллюзия Кристофера Марло, автора одной из версий фаустианы. С титанизмом ренессансной личности граничат амбициозность и пафосная пассионарность устремлений героя, с которыми контрастирует «избыточность» и архаичность стилистики, создающие связь барочной культурой Нового времени.

Заключение договора Фаустом и Мефистофелем в легендах рубежа Средневековья и Возрождения демонстрировало процесс смены ценностных основ – душа как высшая сакральная ценность Средневековья уступала место знанию как высшему, светскому, гносеологическому ориентиру Нового времени. В «Фальшивом Фаусте» мотив договора базируется на подмене общечеловеческих, вневременных, духовных, определяющих смысл бытия

человека, идеалов субъективными, сиюминутными, материальными, мнимыми и вторичными в своей значимости желаниями. Всеохватное знание заменяется поваренной книгой, душа – авторскими правами на данное «творение» и поиском вечной молодости, трагические последствия продажи души – гротесковым преображением Трампедеха в неразумное дитя.

Такое кардинальное иронически-игровое, пародийное переосмысление концептуального ядра фаустианы, отражающее неоднозначность процесса формирования аксиологических основ человеческого бытия в XX ст., резонирует с координатами постмодернистской парадигмы мировидения.

Ее направленность на ревизию сущности и иерархии ценностей личности и человечества в целом находит отражение в концептуальном и функциональном переосмыслении фаустианской образной триады. Образы Яниса Трампедеха и Кристофера Марлова изначально и одновременно сочетают в себе оппозиционные ипостаси Фауста и Мефистофеля. Вместе с тем образ Кристофера Марлова репрезентирует не только фаустианский дух глобальных сомнений, но и тотальный скепсис, нигилистическое опровержение всех духовных основ, в том числе порядка, религии, дружбы, героизма и энтузиазма [2, с. 28]. Декларативность утверждения героем единственно значимых для личности абсолютной свободы и независимости духа, как и вторичность – римейковость его жгучего желания создать уже ранее созданное (оправдываемое им множественностью заимствований в пространстве культуры, в том числе и музыкальной – «Опера нищих» Гея и Пепуша), переориентация на низовые ценности акцентирует постмодернистские нюансы в интерпретации образа.

Антиценности составляют и фундамент образа Трампедеха, для которого воплощением мудрости является сфера кулинарии, сакрализованным смыслом жизни – культ еды (поневоле напрашиваются сравнения с современным медиа-пространством, до предела насыщенным кулинарными программами).

Концептуальная переориентация фаустианы отражается и в драматургии романа, базирующейся на принципе пересемантизации образов. Образ Маргариты, изначально предстающей как воплощение чистой любви, вечной женственности, озаренной высокими поисками социальной справедливости и творческой самореализации, «модулирует» в сферу материальных ценностей, ради которых она становится содержанкой Яниса Трампедеха. Последний же после заключения договора радикально изменяет свою сущность – национальную принадлежность, политические взгляды, и функцию, становясь, по существу Мефистофелем – повелителем Маргариты и Кристофера Марлова.

Образ главного героя, свободно мигрируя в различные историко-культурные пространства, также демонстрирует кардинальное переосмысление сущности, смысла жизни, ценностных установок, становясь из псевдо-Мефистофеля Фаустом современности. Пройдя сквозь череду

испытаний, в том числе любовью к Маргарите и болезнью (что создает аллюзию с образом Адриана Леверкюна из «Доктора Фаустуса» Т. Манна), болезненно переживая социальные и политические катаклизмы, он обретает новую жизнь. Возвращение к собственно творчеству, поиск смыслов бытия в народной среде и активность социальной позиции символизирует аксиологическую модуляцию образа героя, направленную на сознательное формирование новой ценностной иерархии, становление новой личности.

Складывается достаточно определенная линия развития образа К. Марлова – Мефистофеля, становящегося Фаустом: от эгоизма, нигилизма, шутовства и богемности – к общечеловеческим ценностям, коллективизму. Однако в финале и эпилоге утверждение виртуальности, условности, театрализованности всех событий, возвращение к барочной многословности (характерной для Предисловия), «снимает» высокий ореол с новой личности героя, развенчивает его цель, которая является не более чем плагиатом, и смысл договора, который является не более чем изощренной игрой. Свои дерзания Марлов подает как озорство, себя – как псевдописателя, «...который мешает стили, путает времена и события, ... орудует, как слон в посудной лавке, для него нет ничего святого» [2, ст. 277], смысл исканий – удовольствие от того, что он дразнит дам [2, ст. 277].

Данный радикальный смысловой поворот создает вторую аксиологическую модуляцию образа героя, драматургию своеобразного сюжетного и пространственно-временного кольца, аллюзию романтической мифологемы круга и в то же время отражает присущий культуре постмодернизма скепсис относительно сущности аксиологических опор личности и Человечества.

Логика пересемантизации и видение фаустианы сквозь призму постмодернистской парадигмы, ставящей под сомнение существование смысла как такового [3] детерминирует и переосмысление смыслообразующего для фаустианы концепта знания. В романе данный концепт предстает в ореоле двойничества, создавая смысловой резонанс с оборотностью образов главных героев. Поваренная книга – воплощение ироничной, пародийной ипостаси знания, связанного с гастрономически-чувственным наслаждением, обретающим статус высшей ценности. Вторая ипостась – эликсир смерти – демонстрирует характерную для культуры XX ст. проблематизацию значимости для человечества высших интеллектуальных достижений, этической сущности знания, выступающего как источник массового уничтожения Человечества.

Значима в интерпретации фаустианы М. Зариньша мифологема смены имени. Трампедах предпочитает вместо предложенного Марловым имени Янис Сковородка, «снижающего» сущность их совместных исканий, претензионное имя Альгимант Амбрерод [2, с. 84]. Такой псевдоним – порождающий ароматы – отсылает к семантическому кругу фаустианы,

создавая анти-аллюзию со второй, мефистофелевской сущностью персонажа (с традиционной связью дьявольского начала с запахом серы). Комичность сцены смены имени - концептуально значимый прием осмеяния, пародизации новой сущности образа и создания ореола условности событий. В пространстве народной культуры новое имя, символизирующее новую сущность, избирает для себя и Марлов.

Многоголосие стилей, историко-культурная полифония романа, обуславливает онтологическую специфику образов романа, их бытие одновременно в хронотопах прошлого и настоящего. Плюралистическая хронотопическая атмосфера романа создается, с одной стороны, монтажным сопоставлением контрастирующих эпизодов и значимостью принципа «театр в театре», который придает и образам и событиям некую специфическую постмодернистскую условность, виртуальность. С другой – предельной стилистической множественностью. Произведение насыщено аллюзиями и ассоциациями с событиями Второй мировой войны, образами-символами различных эпох (Сафо, Э. Гофмана, Г. Телемана, Скарлатти, Р. Шумана, Ж. Оффенбаха, Дж. Верди, Дж. Пуччини, Р. Вагнера, В. А. Моцарта, Й. Гете, М. Мусоргского, У. Берда, О. Гиббонса, Дж. Доуленда, В. Галилея, членов кружка Барди, выдающихся актеров театра времен Возрождения и т.д.), цитатами и квазицитатами (фактически точно воспроизведен отрывок из «Фауста» Й. Гете и опосредованно – из «Народной книги» Й. Шписа), множественными ссылками на творчество К. Марло («Трагическая история доктора Фауста», «Тамерлан»), В. Шекспира («Отелло», «Сон в летнюю ночь»), Л. ван Бетховена (персонажи «Фиделио» – Флорестана и Леонору), П. Чайковского («Лебединое озеро»), М. Шолохова, Д. Шостаковича, В. Маяковского. Каждый из этих неявных персонажей – многогранный концентрат культурной памяти человечества, имеющий собственную семантическую ауру и культурный контекст. Это придает образной системе романа некую постмодернистскую ризомность, отражает установку постмодернизма на осмысление нового как результата калейдоскопического смешения уже созданного [3, с. 226].

Особо значимы в драматургии и хронотопе произведения своеобразные ренессансные рефрены. В этих эпизодах «из прошлой жизни» герои предстают как реинкарнации писателя и актера Кристофера Марло и его врага – аббата из Дептфорда. Данные вставки создают иной смысловой пласт, в которой символическими опорами становятся образы Шекспира, героев его произведений и его музы – черной Мэри, поэта и драматурга Б. Джонсона. Двойничество и оборотность доведены в этих вставках до абсолюта, обличья героев «размыты» до предела ситуационным совмещением в них функций персонажей и актеров, играющих в ренессансном театре одновременно несколько ролей – аллюзий данных

персонажей, что создает эффект многократного пародийного, аксиологически критического кодирования, «игры в игре в игре».

Постмодернистская ревизия духовных основ в романе находит отражение и в сокрушительной критике духовного опыта человечества. С одной стороны это уже упоминавшаяся ранее акцентуация вторичности авторства, римейковости многих интеллектуальных достижений. С другой – проблематизация заимствования сюжетов в европейской ренессансной литературе. Это становится как основанием для функционирования в романе ренессансных двойников персонажей и импульсом к критике структуры и стилистики трагедии К. Марло, во многом перекликающихся со спецификой романа М. Зариньша.

Таким образом, роман М. Зариньша «Фальшивый Фауст» – уникальная интерпретация фаустианской мифологемы, постмодернистская сущность которой детерминирована духом всепроникающей иронии, отчуждением персонажей от самих себя и от своих свершений, эффектом «театра в театре», игрой смыслами, изначальной условностью, пародизацией и пересемантизацией аксиологических констант бытия человека и образов – их носителей, уникальностью хронотопа – нерасторжимого единства различных историко-культурных времен и пространств. Созвучность романа М. Зариньша проблемам духовного бытия человека в современной культуре, значимости в ней межкультурной коммуникации в синхронии и диахронии формирует дальнейшие исследовательские перспективы, связанные с культурологическим освещением онтологической логики фаустианы.

Литература

1. Абызов Ю. «Приспешничье шародейство во Влумине» // Даугава, 1983. – № 2. – С. 93 – 107.
2. Заринь М. Фальшивый Фауст. Романы / М. Заринь. - М. : Известия, 1984. - 396 с.
3. Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 257 с.
4. Ишимбаева Г. Г. Русская фаустиана XX века. – М.: Флинта, 2002. – 128 с.
5. Курьшева Т. А. Маргер Заринь. – М.: «Советский композитор», 1980. – 208 с.
6. Урнов Д. М. Пристрастия и принципы. – М.: Советский писатель, 1991. – 425 с.
7. Якушева Г. В. Фауст и Мефистофель в литературе XX века // Гетевские чтения – 1991. Под ред. С. В. Тураева. – М.: Наука, 1991. – С 165 – 192.

BBSR-2016

BALTIC-BLACK SEA REGION:

HISTORY, ECONOMY, CULTURE, SOCIETY

PROCEEDINGS

OF INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL
CONFERENCE

University of Latvia
Baltic Erlander Institute
Polotsk State University
Poltava National Technical
Yuriy Kondratyuk University

EUROPEAN UNION
EUROPEAN REGIONAL
DEVELOPMENT FUND

BALTIC-BLACK SEA REGION: HISTORY. ECONOMY. CULTURE. SOCIETY

**Proceedings
of International Scientific and Practical
Conference**

Volume 5.
Belarusian and Ukrainian studies

July 4-5, 2016
Riga, Latvia

Riga
Baltic Erlander Institute
2016

LATVIJAS
UNIVERSITĀTE
UNIVERSITY OF LATVIA
ANNO 1919

POLOTSK
STATE
UNIVERSITY

POLTAVA NATIONAL
TECHNICAL UNIVERSITY

Scientific Committee – Editorial Board

Andris	LEJIŅŠ	<i>Dr. habil., Professor</i>
Anita	NERETNIECE	<i>Ph.D., As. Professor</i>
Ēriks	SONDORS	<i>Dr. habil., Professor</i>
Inha	ZIANKOVA	<i>Ph.D., As. Professor</i>
Iryna	KALACHOVA	<i>Dr. habil., Professor</i>
Kęstutis	URBONAS	<i>Dr. habil., Professor</i>
Kristiāns	MEIJERS	<i>Dr. habil., Professor</i>
Mary	FLEYCHUK	<i>Dr. habil., Professor</i>
Olesya	HRYHORYEVA	<i>Ph.D., As. Professor</i>
Tomasz	WIŚNIEWSKI	<i>Dr. habil., Professor</i>
Uladzimir	GANSKI	<i>Ph.D., As. Professor</i>
Vira	CHEVHANOVA	<i>Ph.D., Professor</i>
Vitali	KAZLOUSKI	<i>Dr. habil., Professor</i>

International Scientific and Practical Conference «**Baltic-Black Sea Region: History. Economy. Culture. Society**». Volume 5: Riga, Latvia, July 4-5, 2016. Conference Proceedings. – Riga: SIA «Baltic Erlander Institute», 2016. – 152 p.

LEGAL NOTICE: No part of the material protected by this copyright may be reproduced or utilized in any form or by any means, without the prior written permission of the copyright owners, unless the use is a fair dealing for the purpose of private study, research or review. The authors reserve the right that their material can be used for purely educational and research purposes.